

Николай Петрович Вагнер

Клёст

*Часть сборника
Сказки Кота-Мурлыки (сборник)*

Сказки Кота-Мурлыки

Николай Вагнер

Клѣст

«Public Domain»

1872

Вагнер Н. П.

Клёст / Н. П. Вагнер — «Public Domain», 1872 — (Сказки Кота-Мурлыки)

«Ты знаешь, что все деревья страшные сони. Как только в тихий, ясный день их пригреет солнышком, они тотчас же все раскиснут и заснут. А уж ночью — и говорить нечего! Тогда они спят как убитые во всю ивановскую...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Николай Петрович Вагнер

Клёст

(птичья драма)

I

Ты знаешь, что все деревья страшные сони.

Как только в тихий, ясный день их пригреет солнышком, они тотчас же все раскиснут и заснут. А уж ночью – и говорить нечего! Тогда они спят как убитые во всю ивановскую.

И как же им не спать?! Ведь каждое дерево крепко-накрепко привязано корнями к земле и ни за что на свете не упадет.

Только ветер может разбудить деревья. Как только он налетит на них – все они тотчас же проснутся, и все листки их начнут шептаться, как будто они вовсе не спали. Такой ветер даже косматую ель разбудит, а известно уж, что нет такой сони на свете, как растрепанная, косматая, замухрастая ель. Как начнет ветерок махать ее ветками, она поневоле проснется, а вместе с нею проснется и все, что живет на ней.

Ты, верно, знаешь, слышал, что на таких елях живут клесты, – и вот об одном таком клесте я хочу рассказать тебе теперь.

Был он с большой головой и огромным носом крючком. Когда он был еще очень маленький, то и этот нос был также маленький, хорошенький крючочек. Клёст поедал им все, что приносили ему папа и мама, все, начиная от какого-нибудь крошечного червячка до крепкой еловой шишки, из которой он выбирал орешки и щелкал их лучше всякой купчихи или купеческой дочки.

Кругом его был старый, прекрасный еловый лес, была лесная глушь, и вот среди этой глуши он вырос.

Лучшей няней для него было солнце. Когда оно с нежностью пригревало травки, кусты и деревья, то грело заодно, по пути, и его, маленького клёстика с большой головой. Притом грело оно его с такой лаской и любовью, что у него, наверное, выступили бы слезы на глазах. Но ты, конечно, знаешь, что клесты и все птички не могут плакать, просто потому, что у них нет платочков, чтобы утирать слезы. Они даже носики свои утирают просто об землю или об травку. И вот эту травку молодую, зеленую, сочную, бархатную очень любил наш клестик; но, разумеется, он любил ее тереть, когда был еще очень маленький, а затем, когда нос его стал подрастать и сделался крепким крючком, он долбил им деревья, ломал сучки, гнул ветки, одним словом, делал множество разных гимнастических штук с целью укрепить свой клюв.

Он любил тихие летние вечера, когда солнышко ложится спать, зардевшись, как красная девушка, и его румянец стыдливо разливается по всему небу. Ему нравилось слушать, как лениво перекликались птички, мирно засыпая на ветках; ему нравился пахучий, смолистый, свободный воздух лесов. Но всего больше ему нравились зеленые еловые шишки. Расщипать крепкую, ароматную шишку, добраться до ее сочной, сладкой, смолистой мякоти и вкусных орешков – для него было истинное наслаждение.

Родился он на севере, в лесной тайге, где зимой царит и трещит злющий-презлющий мороз.

И вот от этого мороза все клесты перелетают на зиму туда, где потеплее. Клёстик улетел вместе с другими.

А весной все птицы вернулись в старый, родной лес, туда, где прошло детство клестика. Там ему было все знакомо – и старые, замухрастые ели, и молодые зеленые елочки. Все ему

приветливо кланялись, как старому другу, и он всем кланялся, и свистел, и кричал, и чирикал изо всех сил своих маленьких легких. Солнышко светило так радостно и весело; оно грело и землю, и травку, и кусты, и деревья, так что те принялись взапуски расти, цвести, зеленеть. И сколько цветов запестрело на зеленых лужайках! Сперва выглянули подснежники, за ними втихомолочку распустились скромные фиалочки. Но на севере они ничем не пахнут – из скромности. Они думают, что пахнуть на весь свет, чтобы все нюхали, кто хочет и кто не хочет, неприлично. Затем расцвели всякие весенние цветочки; разумеется, все расцветали по старшинству. Ведь у цветов строго соблюдается, чтобы ни один, который ниже по чину, не мог расцвести раньше другого, который старше его.

И вот, когда все расцвело и зазеленело, когда солнце просто прыгало от радости по всем лужайкам, цветам и деревьям, когда все птицы, большие и маленькие, запели и засвистали на все лады, тогда у нашего клестика сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Он, как жар-птица, блестел и сиял на солнце. Он чувствовал, что все это хорошо, очень хорошо, а все чего-то недоставало ему. Он ждал чего-то, а чего – и сам не знал: какого-то праздника, какой-то радости, от которой сердце его заранее трепетало и замирало. И вот, вдруг, в тени большой развесистой ели, сквозь ее сучки, перед ним мелькнула на солнце маленькая серая птичка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.